

Серебряная монетка

Андерсен Г.Х.

Жила-была монетка; она только что вышла из чеканки, чистенькая, светленькая, покатила и зазвенела: «Ура! Теперь пойду гулять по белу-свету!» И пошла.

Ребёнок крепко сжимал её в своём тёпленьком кулачке, скряга тискал холодными, липкими пальцами, люди, постарше, вертели и поворачивали в руках много раз, а молодёжь живо ставила ребром и катила дальше. Монетка была серебряная, меди в ней было очень мало, и вот она уже целый год гуляла по белу-свету, то есть по той стране, где была отчеканена. Потом она отправилась путешествовать за-границу и оказалась последнею туземною монеткою в кошельке путешественника. Но он и не подозревал о её существовании, пока она сама не попала ему под руку.

— Вот как! У меня ещё осталась одна наша родная монетка! — сказал он. — Ну, пусть едет со мною путешествовать! — И монетка от радости подпрыгнула, и зазвенела, когда он сунул её обратно в кошелёк. Тут ей пришлось лежать с иностранными товарками, которые всё сменялись; одна уступала место другой, а наша монетка всё оставалась на своём; это уж было некоторого рода отличием!

Прошло несколько недель; монетка заехала далеко-далеко от родины, но куда — не знала. Она только слышала от соседок, что они француженки или итальянки, что они теперь в таком-то или таком-то городе, но сама не имела о том никакого представления: не много увидишь, сидя в мешке, как она! Но вот однажды монетка заметила, что кошелёк не закрыт; ей вздумалось выглянуть на свет Божий, и она проскользнула в щёлочку. Не следовало бы ей этого делать, да она была любопытна, ну и это не прошло ей даром! Она упала в карман брюк; вечером кошелёк из кармана вынули, а монетка осталась, где лежала. Брюки вынесли в коридор чистить, и тут монетка вывалилась из кармана на пол; никто не слышал, никто не видал этого.

Утром платье опять снесли в комнату; путешественник оделся и уехал, а монетка осталась. Вскоре её нашли на полу, и ей предстояло опять поступить на службу; она очутилась вместе с тремя другими монетками.

«Вот славно-то! Опять пойду гулять по свету; увижу новых людей, новые

обычай!» подумала монетка.

— Это что за монетка? — слышалось в ту же минуту. — Это не ходячая монета. Фальшивая! Никуда не годится!

Тут-то и начались для монетки мытарства, о которых она потом рассказывала.

— «Фальшивая! Никуда не годится!» Меня так и пронизало насквозь! рассказывала она. — Я же знала, что я чисто серебряная, хорошего звона и настоящей чеканки! Верно люди ошиблись, — не могли они так отзываться обо мне! Однако, они говорили именно про меня! Это меня называли фальшивою, я никуда не годилась! «Ну, я сбуду её с рук в сумерках!» сказал мой хозяин и сбыл таки. Но при дневном свете меня опять принялись бранить: «Фальшивая!», «Никуда не годится!», «Надо её поскорее сбить с рук!»

И монетка дрожала от стыда и страха всякий раз, как её подсовывали кому-нибудь вместо ходячей туземной монеты.

— Ах, несчастная я монетка! Что толку в моём серебре, в моём достоинстве, чеканке, когда всё это ни к чему! В глазах света останешься тем, за кого он тебя примет! Как же должно быть ужасно иметь нечистую совесть, пробиваться вперёд нечистыми путями, если мне, ни в чём неповинной, так тяжело потому только, что я кажусь виновною!.. Переходя в новые руки, я всякий раз трепещу того взгляда, который бросят на меня сейчас: я, ведь, знаю, что меня сейчас же отшвырнут в сторону, бросят, точно я обманщица!

Раз я попала к одной бедной женщине; она получила меня в уплату за тяжёлую подённую работу. Но ей-то уж никак не удавалось сбить меня с рук, — никто не хотел брать меня; я была для бедняги сущим несчастьем.

«Право, поневоле придётся обмануть кого-нибудь!» сказала женщина. «Где мне, при моей бедности, беречь фальшивые деньги! Отдам-ка её богатому булочнику; он-то не разорится от этого! Но всё-таки нехорошо это! Сама знаю, что нехорошо!»

«Ну, вот теперь я буду лежать на совести у бедной женщины!» вздохнула я. «Неужели же я, в самом деле, так изменилась от времени?»

И женщина отправилась к богатому булочнику; но он слишком хорошо знал все ходячие монеты, и мне не пришлось долго лежать там, куда меня

положили, — он швырнул меня бедной женщине в лицо. Ей не дали за меня хлеба, и мне было так грустно, так грустно сознавать, что я отчеканена на горе другим! Это я-то, я, когда-то такая смелая, уверенная в себе, в своей чеканке, в хорошем звоне! И я так пала духом, как только может пасть монетка, которую никто не хочет брать. Женщина же принесла меня обратно домой, добродушно-ласково поглядела на меня и сказала: «Не хочу я никого обманывать тобою! Я пробью в тебе дырку, пусть каждый знает, что ты фальшивая... А впрочем... Пстой, мне пришло на ум — может быть, ты счастливая монетка? Право, так! Я пробью в тебе дырочку, продёрну шнурок и повешу на шейку соседкиной девочке — пусть носит на счастье!»

И она пробилла во мне дырочку. Не особенно-то приятно быть пробитою, но ради доброй цели можно перенести многое. Через дырочку продёрнули шнурок, и я стала похожа на медаль. Меня повесили на шейку малютки; малютка улыбалась мне, целовала меня, и я всю ночь провела на тёпленькой невинной детской груди.

Утром мать девочки взяла меня в руки, поглядела на меня и что-то задумала, — я сейчас же догадалась! Потом она взяла ножницы и перерезала шнурок.

«Счастливая монетка!» сказала она. «Посмотрим!» И она положила меня в кислоту, так что я вся позеленела, потом затёрла дырку, немножко почистила меня и в сумерках пошла к продавцу лотерейных билетов, купить на счастье билетик.

Ах, как мне было тяжело! Меня точно в тисках сжимали, ломали пополам! Я, ведь, знала, что меня обзовут фальшивою, осрамят перед всеми другими монетами, что лежат и гордятся своими надписями и чеканкою. Но, нет! Я проскользнула! В лавке была такая толпа, продавец был так занят, что не глядя бросил меня в выручку к другим монетам. Выиграл ли купленный за меня билет — не знаю, но знаю, что на другой же день меня признали фальшивою, отложили в сторону и опять отправили обманывать — всё обманывать! А, ведь, это просто невыносимо при честном характере, — его-то уж у меня не отнимут! Так переходила я из рук в руки, из дома в дом, больше года, и всюду-то меня бранили, всюду-то на меня сердились. Никто не верил в меня, и я сама больше не верила ни в себя, ни в свет. Тяжёлое выдалось для меня времечко!

Но вот, однажды явился путешественник; ему, конечно, сейчас же подсунули меня, и он был так прост, что взял меня за ходячую монету. Но

когда он в свою очередь хотел расплатиться мною, я опять услышала крик: «Она фальшивая! Не годится!»

«Мне дали её за настоящую!» сказал путешественник и взгляделся в меня пристальнее. Вдруг на лице его появилась улыбка; этого ещё не случалось при виде меня ни с одним лицом. «Нет, что же это!» сказал он. «Ведь, это наша родная монетка, хорошая, честная монетка с моей родины, а в ней пробили дырку и зовут её фальшивую! Вот забавно! Надо будет сберечь тебя и взять с собою домой!»

То-то я обрадовалась! Меня опять называют хорошею, настоящею монеткою, хотят взять домой, где все и каждый узнают меня, будут знать, что я чисто серебряная, настоящей чеканки! Я бы засверкала от радости искрами, да это не в моей натуре; искры испускает сталь, а не серебро.

Меня завернули в тонкую белую бумажку, чтобы не смешать с другими монетами и не затерять; вынимали меня только в торжественных случаях, при встречах с земляками, и тогда обо мне отзывались необыкновенно хорошо. Все говорили, что я очень интересна. Забавно, что можно быть интересною, не говоря ни слова!

И вот, я попала домой! Миновали мои мытарства, потекла счастливая жизнь; я, ведь, была чисто серебряная, настоящей чеканки, и мне совсем не вредило, что во мне была пробита дырка, как в фальшивой: что за беда, если на самом деле ты не фальшивая! Да, надо иметь терпение: перемелется — всё мука будет! В это я теперь твёрдо верю! — заключила свой рассказ монетка.